
А.В.Бобровников

Латинская Америка: символы истории и «осевое время»

Историю нельзя пересматривать, но периодически приходится переосмысливать. Автор выделяет ряд ключевых процессов в развитии Латинской Америки, которые определили современное лицо этого региона. Особый акцент сделан на знаковых для латиноамериканских стран сдвигах в последние два десятилетия. В заключение предложена несколько иная трактовка философии латиноамериканской истории в контексте гипотезы о «втором осевом времени».

Ключевые слова: пути модернизации, адаптационная модель, «второе осевое время», самоидентификация, новое место Латинской Америки в мире, перспектива развития в XXI в.

В истории Америки все загадочно. Много неясного в путях развития древних цивилизаций этого континента, ряд из которых достиг достаточно высокого уровня, а потому и зовется «зона высоких цивилизаций». Масса легенд до сих пор окружает открытие Америки европейцами в конце XV — начале XVI вв. И сегодня народы Латинской Америки продолжают «поиски себя», собственной идентичности. Относятся они к этому с известной долей юмора, хотя нередко и мрачноватого, как у Г.Гарсиа Маркеса в романе «Сто лет одиночества». Однако такого рода соображения не отмечают главного: история Америки стала важной составной частью всемирной истории.

XX век — время тяжелейших потрясений и испытаний для человечества. Поэтому событие, произошедшее 50 лет назад, поначалу не обратило на себя особого внимания: 1 января 1959 г. кубинская повстанческая армия вошла в Гавану. Самые надежные рейтинги — те, которые расставляет История. И по прошествии нескольких десятилетий лидера Кубинской революции Фиделя Кастро называют в числе десяти самых «знаковых» фигур XX столетия. А для народов Латинской Америки революция на Кубе очень быстро обрела символическое значение. При любых, зачастую полярных оценках кубинского опыта попытка найти новый путь самостоятельного развития, в большей мере учитывающего интересы простых граждан, не могла не вдохновлять латиноамериканцев. И вызов, в условиях «холодной войны» брошенный США, нашел понимание среди патристически и прогрессивно настроенных представителей латиноамериканской интеллигенции.

Александр Вячеславович Бобровников — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН.

Показательным итогом этой непростой истории стало триумфальное возвращение Кубы в сообщество латиноамериканских государств на внеочередной сессии Унасур и Группы Рио в декабре 2008 г. Лидеры латиноамериканских стран однозначно дали понять администрации США: пора кончать с многолетней и очевидно бессмысленной практикой блокады Кубы.

Мы напомнили о событиях на Кубе, поскольку именно они в свое время резко повысили интерес политического руководства нашей страны к происходящему в Латинской Америке. И этот интерес стал одним из факторов создания в 1961 г. в рамках Академии наук Института Латинской Америки (ИЛА).

За прошедшие десятилетия в России сложилось научное сообщество латиноамериканистов, получившее признание в Латинской Америке, Европе и Азии¹. Однако до сих пор для отечественных латиноамериканистов далекий континент не только безмерно интересен, но зачастую полон неожиданностей. Происходящее в Латинской Америке настолько сложно и разнопланово, что его никак не удастся ввести в единый формат, привести к «общему знаменателю».

Латинская Америка — это бесконечное разнообразие. И дело далеко не в том, что этот регион раскинулся от ледяных просторов Антарктики до тропических лесов Амазонии и горных хребтов Сьерра-Мадре. Разнообразны культуры народов его населяющих. На рубеже тысячелетий специалисты Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) подготовили оригинальную работу под названием «Символы Латино-Карибской Америки»². Далеко ходить они не стали и описали те символические барельефы, которые украшают стены центрального офиса ЭКЛАК в Сантьяго-де-Чили.

Здесь отражена вся история Латинской Америки: стилизованные рисунки кукурузы из Месоамерики и ирригационных каналов инков; каменная стелла из Сан-Агустина (Колумбия); бальсовый плот из Кито (Эквадор); один из кораблей перевозивших в Латинскую Америку многочисленных иммигрантов в XIX в.; первый на континенте самолет С.Дюмонта; чертежи пирамиды Кукулькана, легендарного города ацтеков Теночтитлана и уникальной по своей архитектуре современной столицы Бразилии; старейший на континенте университет Сан-Маркос (Перу); повозки бандейранте, служившие во времена освоения бесконечных просторов Бразилии, и, наконец, железная дорога — еще один характерный символ связи внутренних районов Латинской Америки с мировыми рынками.

Где же искать истоки латиноамериканского сообщества? В чем его характерные особенности? Известные латиноамериканские политики и ученые давно пытаются найти ответы на эти и сходные вопросы. В известном письме с Ямайки (1815 г.) С.Боливар писал: «Мы — весь человеческий род в миниатюре. Мы владеем отдаленным миром, окруженным безбрежными морями, мы — новаторы почти во всех видах искусств и наук, но мы, в каком-то смысле и традиционалисты, поскольку придерживаемся обычаев гражданского общества»³.

Более века спустя венесуэльский писатель и ученый У.Пьетри заметил, что новый латиноамериканский мир — результат органичного смешения многих рас, народов, культур и стилей⁴. «Наши специфические история и культура, — подчеркивал всемирно известный мексиканский философ Л.Сеа, — ставят проблему: ассимилируя архетип, который Европа и ее

культура упорно стремились навязать другим, перестать быть европейским эхом и тенью, чтобы стать, как сама Европа, реальностью — живой, активной и потому меняющейся по мере ассимиляции особенностей других культур...»⁵. Вот лишь несколько показательных и достаточно ясных примеров размышлений о судьбе региона. В данном контексте стоит ли удивляться упомянутым выше поискам самоидентификации, которые продолжают занимать умы латиноамериканцев.

Не менее сложной для ответа остается и другая, прямо противоположная проблема — о месте Латинской Америки в современном мире. С одной стороны, имеет, видимо, определенные основания точка зрения, связывающая открытие Америки с зарождением процесса глобализации, правда, в его раннем варианте. Во всяком случае, аргентинский экономист А.Феррер, очевидно, прав, доказывая, что открытие нового континента достаточно быстро изменило всю систему международных товарных потоков того времени⁶.

Освободительная революция в странах Латинской Америки, которая в тот период не вызвала сильного резонанса на фоне событий в США и Европе, уже в начале XIX столетия расширила число конституционных республиканских режимов до полутора десятков⁷. Будучи политически свободными с XIX в., в отличие от большинства государств Азии и Африки, именно латиноамериканские страны оказались первыми представителями так называемого «третьего мира» в ведущих международных организациях: сначала в Лиге Наций, а затем в ООН. Именно в латиноамериканском сегменте этого обширного «третьего мира» впервые реально начал развиваться процесс региональной экономической интеграции, а наиболее последовательным проводником этой идеи был известный аргентинский экономист и Исполнительный директор ЭКЛАК Р.Пребиш.

С другой стороны, хозяйство латиноамериканского региона с момента своего зарождения представляло собой систему обеспечения европейской, а затем и всей так называемой «западной» экономики золотом и серебром, тканями и хлопком, сахаром и кофе, гуано и рыбной мукой, медной и железной рудой, бокситами и нефтью. Причем поставки велись на условиях неэквивалентного обмена, на что не раз обращали внимание тот же Пребиш и многие другие латиноамериканские экономисты. Поздняя индустриализация и борьба за второе (экономическое) освобождение кардинально не улучшили ситуацию. На протяжении XX в. доля латиноамериканских стран в международной торговле неуклонно снижалась. Более дешевое сырье развитые страны стали широко импортировать из Африки и Азии, а конкурентоспособность латиноамериканских промышленных товаров продолжала оставаться низкой. Конечно, замещение импорта в этих условиях в определенной мере способствовало расширению внутренних рынков самих латиноамериканских стран, но процесс этот сдерживался хронической нехваткой капиталов и невысоким платежеспособным спросом населения.

Попытки форсировать модернизацию и создать мобилизационную экономику, особенно в условиях длительных спадов и хронических деформаций в хозяйстве, подталкивали к чрезмерному расширению роли государства в экономике. Обратной стороной этого процесса становился захват власти военными режимами. Подобный дирижизм был не только ответом на вызовы времени, но и механизмом в руках все еще слабой местной предпринимательской элиты по подавлению быстро набиравших силу на-

родно-демократических движений. Естественно, не все военные режимы проводили репрессивную политику, группы патриотически настроенных военных в ряде стран пытались снизить накал социального недовольства, осуществляя широкие реформы. В любом случае, в 70-е годы, уже на исходе индустриальной эпохи, в большинстве континентальных стран Латинской Америки у власти находились военные.

Последовавший в 80-е годы глубокий структурный кризис, получивший название «потерянного для развития десятилетия», оказался одним из самых тяжелых для региона в XX столетии и по своим масштабам очень походил на великую депрессию 30-х годов. Именно в 80-е годы началось «новое включение» Латинской Америки в мировую экономику, получившее чуть позже оформление в виде неолиберального проекта — «Вашингтонского консенсуса». За два последних десятилетия прошлого века в регионе произошли очень серьезные сдвиги, большинство стран, быстрее или медленнее, скользили в сторону «универсального проекта» неолиберальной демократии. Но на этом пути они определенно понесли и очень серьезные социальные издержки. К началу XXI в. латиноамериканский регион лидировал в мире по показателям разрыва в уровне доходов между богатыми и бедными слоями населения. Поэтому последовавшее полевение латиноамериканских администраций и всеобщая озабоченность борьбой с бедностью и нищетой были совершенно естественной реакцией на предшествовавшее снижение жизненного уровня населения.

История стран Латинской Америки наглядно свидетельствует об их способности достаточно быстро адаптировать новшества. Иначе чем объяснить, что за двести лет сельский, патриархальный, традиционный и в целом консервативный регион превратился в интегрированное сообщество вполне современных и весьма динамично развивающихся стран? Напомним, в этих государствах функционируют системы представительной демократии, широко применяются современные методы управления хозяйством и рынком, они активно включаются в сетевую экономику и информационное общество.

Но не все так просто. И на территории почти всех латиноамериканских стран можно найти обширные районы, относительно отстающие в своем развитии. Без преувеличения можно сказать, что население севера и юга Мексики, северо-востока и юга Бразилии или прибрежных и горных районов Перу живут как бы в разных цивилизационных измерениях, в разном времени. И главное, разрыв этот сокращается крайне медленно.

Латинскую Америку нередко рассматривают как один из перспективных регионов XXI в. Едва прошел первый шок от заявления экспертов «Goldman & Sachs», что к 2050 г. Бразилия вместе с Китаем, Индией и Россией обгонит большинство современных лидеров мировой экономики⁸, как бразильскому руководству удалось воплотить в жизнь собственный проект континентальной интеграции, отбросив широко разрекламированный США план создания Межамериканской зоны свободной торговли.

Вскоре после последнего цикла президентских выборов весь мир заговорил о «левом повороте» в латиноамериканском регионе: в 12 из 19 крупнейших стран к власти пришли правительства левой и левоцентристской ориентации. Еще в двух (Мексике и Перу⁹) это едва не произошло, поскольку почти половина электората поддержала кандидатов оппозиции. Не заметить всего этого было уже нельзя. Новые режимы единодушно провозгласили курс на борьбу с крайней бедностью, создание социально ориентирован-

ной экономики и включения каждого латиноамериканца в солидарное общество. На такие инициативы вынуждены были отреагировать даже администрации, придерживающиеся более консервативных взглядов. Другой вопрос: насколько успешно удастся реализовать программы помощи беднейшим слоям населения в условиях нынешнего глобального кризиса.

Определенно меняется роль латиноамериканских стран в международных делах. Впервые в истории пробита сугубо виртуальная «стена» между так называемыми «первым» и «третьим» миром. Мексика стала членом интеграционного объединения с двумя ведущими развитыми странами и одним из ключевых поставщиков промышленных товаров на рынок США. Бразилия вошла в число ведущих экспортеров на мировой рынок не только продовольствия, но и высокотехнологичной авиатехнической продукции. Обе страны — участники постоянного диалога с ведущими развитыми странами, и перспектива расширения вдвое состава «большой восьмерки» сегодня уже не кажется чем-то фантастическим. Маленькая Коста-Рика за считанные годы превратилась в базу для производства микропроцессоров всемирно известной фирмы «Intel», а Чили удивляет уровнем развития Интернет-коммуникаций и скоростью включения в рынки современных услуг. И таких примеров еще множество. В XXI в. Латинская Америка обретает свое лицо в сфере международных отношений. Она начинает претендовать на то, чтобы стать солидным игроком на мировых рынках. И при этом остается Латинской Америкой со своей особой цивилизацией, традициями, самобытной культурой.

Такова «символическая» картина развития Латинской Америки в прошедшем столетии, но упомянутый вопрос о философии латиноамериканской истории по-прежнему открыт. В последнее десятилетие российские латиноамериканисты неоднократно обращались к нему в связи с изучением латиноамериканской цивилизационной общности¹⁰, и в этих разноплановых попытках постепенно вырисовывается некий общий и весьма любопытный вектор.

Обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, Латинская Америка рассматривается как проекция западноевропейской цивилизации. И, действительно, до сих пор латиноамериканские страны продолжают внимательно следить за европейским опытом, изучать его и копировать лучшее¹¹. Во-вторых, в Латинской Америке на редкость сильны христианские традиции. На сегодня она едва ли не крупнейший католический регион мира.

Сравнительно недавно, в преддверии саммита «Группы двадцати», президент Бразилии Л.И.Лула да Силва весьма эмоционально обвинил в кризисе глобальной финансовой системы «блондинов с голубыми глазами»¹². Он был и прав, и не прав. Действительно, современную техногенную модель развития, глобальную экономику, равно как и все связанные с ними проблемы, создали не индейцы и не афроамериканцы. Основы их заложили народы, когда-то освоившие обширное пространство между тремя бассейнами: Средиземного — Черного, Красного и северного Балтийского морей. Но были-то они, преимущественно, «темноволосыми с карими глазами» — выходцами из итальянских и других средиземноморских городов. Именно там впервые появились флоты для торговли морем, закладные и банки, первопроходцы заморских земель и открыватели новых рынков. А несколько волн переселенцев, в основном из того же средиземноморского региона, внесли решающий вклад в формирование самой латиноамериканской цивилизации.

Длительный процесс становления техногенной цивилизации определялся сочетанием немалого числа достаточно уникальных условий. И одним из важнейших было прохождение через «осевое время». При растущей сегодня популярности идеи немецкого философа К.Ясперса¹³ глубина описываемого процесса едва ли осознается до конца. Ясперс видел в «осевом времени» в первую очередь элемент духовной трансформации, разрыв с прежним мифологическим мироощущением и мироописанием, открытие того, что позже стало называться разумом и личностью. При этом Ясперс очень критически оценивал свое время: «век техники со всеми ее последствиями, которые, по-видимому, не оставят ничего из всего того, что на протяжении тысячелетий человек обрел в области труда, жизни, мышления, в области символики...»¹⁴.

Отчетливо видя деструктивные тенденции, присущие этой «фаустовской цивилизации»¹⁵, Ясперс в сердцах заметил: «настоящее — не второе осевое время ... оно являет собой катастрофическое обеднение в области духовной жизни, человечности, любви и творческой энергии». Применительно к европейской цивилизации того времени об этом говорить можно, а вот с американской далеко не все ясно. Возникает естественный вопрос: было ли у американской цивилизации, которая исторически заметно запаздывала в развитии, свое «осевое время»? Или одни только воспоминания о давно прошедшем евразийском «осевом времени»?

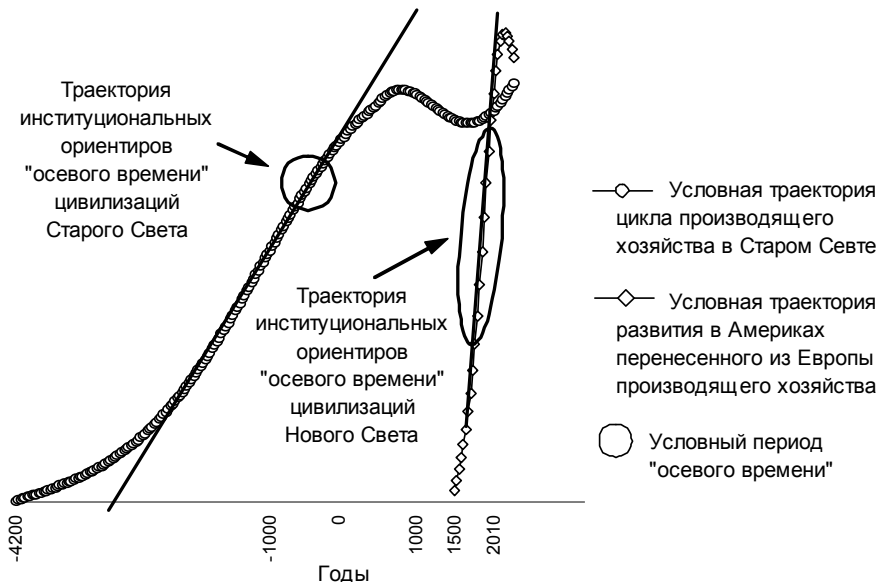
В принципе траектория «осевого времени» — не такая иллюзия, как кажется на первый взгляд. Эту траекторию можно представить себе в рамках большого цивилизационного цикла, продолжительностью порядка 6500 лет. Она напоминает касательную в наиболее динамично восходящей фазе большого цикла (см. рис. 1). Учитывая экспоненциально ускоряющийся пока рост цивилизации (согласно, например, Э.Тоффлеру¹⁶), логично предположить, что осевая тенденция рано или поздно вновь сблизится с циклической траекторией развития социума.

«Осевое время» связано не просто с духовной трансформацией. Именно в это время были заложены те нравственные, этические и законодательные принципы, благодаря которым удалось несколько упорядочить систему общественных отношений и институтов того времени, а через несколько столетий создать условия для технологического рывка производящего и городского хозяйства, детально описанного рядом зарубежных и отечественных авторов¹⁷.

Даже если вопреки категорическому отрицанию этого Ясперсом предположить возможность формирования «второго осевого времени» западно-европейской цивилизации (с подачи Ш.Айзенштадта¹⁸), то в условиях доминирования нового мира социотехники его ориентиры и траектория будут иметь мало общего с первым осевым временем. Отсутствует главное: тот духовный подъем и духовный порыв, который дал себя знать на исходе античности и, несомненно, продолжился в раннем средневековье (Государство франков, Киевская Русь, ранний Арабский халифат).

И тем не менее «второе осевое время», по всей видимости, имело место, но не в Европе, а в Америках. Высокие индейские цивилизации второго поколения (инков, ацтеков) не просто жили в доосевом времени, в XIV—XV вв. они начали входить в предосевое время. И в случае продолжения естественного автохтонного развития несомненно пережили бы осевой период, сходный с европейским. Насильственное внедрение христианства привело как бы к

ВИРТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ «ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ» В СТАРОМ И НОВОМ СВЕТЕ

подмене американского «осевого времени». Но в чистом виде навязать заокеанские ценности, мораль и институты было просто невозможно, да этого и не произошло. За пять столетий в сложном процессе симбиоза, синтеза, трансформации и «конструктивного разрушения» культур некая ось, «генеральная траектория» развития народов Америк, все же определилась.

Встает естественный вопрос: так где же в Америке такие знаковые фигуры, какими в свое время выступали Будда и Конфуций или Христос и Мохаммед. Здесь уместно вспомнить классический принцип античной диалектики, вполне применимый и к всемирной истории, — она тоже не повторяется. К разгадке данного парадокса более десятилетия назад приблизились отечественные латиноамериканисты, хотя ответ и не был четко сформулирован. Я имею в виду размышления об имманентной утопической доминанте латиноамериканского сознания (В.Б.Земсков) или об «архетипах коллективного бессознательного» (Б.Ю.Субичус)¹⁹. Только в данном случае правильнее, наверное, говорить не о «бессознательном», в традиции К.Юнга, а о «подсознательном».

Существо проблемы в том, что американцы, символически восприняв осевую традицию христианства, де-факто внесли в нее столь значительные коррективы, что образ их мышления, мораль, стереотипы поведения мало походили на традиционные для «классического европейца». Выступая на страницах нашего журнала, протоиерей А.Мень в свое время заметил: «Как бы ни пострадала в дни Конкисты культура языческих времен, она все еще присутствует, порой скрыто, в жизни людей XX столетия». А размышляя о будущем латиноамериканской культуры и цивилизации, он говорил, что преодолевая замкнутость, нетерпимость, предрассудки, «Латинская Америка может стать ЗЕМЛЕЙ ДИАЛОГА. Землей, где духовное единство на-

родов созидается в многообразии их творчества. В борьбе за достоинства человека, наций и культур»²⁰.

Латиноамериканскую (как и американскую) мечту не несли в массы местные мудрецы. Весь народ подспудно ощущал их почти на уровне подсознания. Можно сказать, что американцы прокладывали траекторию своего «осевого времени» в конкретных делах, уходя от попыток создания универсального «духовного проекта». Известные мыслители и политические деятели Латинской Америки, часто придерживавшиеся прямо противоположных взглядов на цивилизационный проект (Симон Боливар и Хосе Марти, с одной стороны, Д.Ф.Сармьенто и Х.Б.Альберди — с другой²¹), так и не смогли в полной мере выразить этот скрытый духовный поиск народов континента. Пожалуй, чаще это удавалось писателям и художникам. «Если Америка стала частью всемирной истории, — пишет в заключительной части своей книги Л.Сеа, — то это произошло не в результате похода конкистадоров, а благодаря усилиям народов Америки, сумевших превозмочь последствия конкисты. Америка этих народов и есть настоящая Америка»²².

И последний штрих, который, пусть и косвенно, говорит о своеобразии духовной жизни в Америках. Это не прекращающаяся дискуссия о том, кто же открыл этот континент, чья культура оказала на его развитие наиболее сильное влияние. Как ни парадоксально, все осевые народы приводят некоторые свидетельства своей сопричастности к формированию заокеанской цивилизационной общности, апеллируя к примерам существования элементов индийской культуры в традициях майя или легендам об экспедициях из Китая в Южную Америку. Конечно, такого рода гипотезы нуждаются в серьезных доказательствах, в том числе археологического плана, но любопытен сам факт их существования²³.

Спускаясь с заоблачных высот философии и всемирной истории на землю, резонно задать вопрос: что может означать такого рода духовный поиск для латиноамериканцев в XXI в.? «Осевое время» Старого Света стало основой, стартовой площадкой для создания современной техногенной цивилизации. Возможно, именно духовные поиски американских народов дадут ответ на другой важный вопрос — как в ней жить, как разумно приспособиться к миру социотехники, или так называемой «второй природе», не потеряв при этом собственную идентичность? И это не фантазия, если учесть, например, многовековой опыт адаптационного развития Латинской Америки, если вспомнить о многолетних поисках ее народами своего «третьего пути» или особом акценте в современных условиях на модели устойчивого (прежде всего, с экологической точки зрения) и социально ориентированного развития. Наконец, именно латиноамериканцы стали играть важную роль в оформившихся сравнительно недавно общественных движениях анти- и альтерглобалистов, проведении Всемирных социальных форумов²⁴, т.е. в сложном поиске некоей иной модели развития и жизни в XXI столетии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Достаточно сказать, что именно Институт Латинской Америки подготовил и провел в 2001 г. в Москве X Всемирный конгресс латиноамериканистов (ФИЕАЛК). Сотрудники института регулярно участвуют в конгрессах Европейского совета латиноамериканистов и не так давно созданного Азиатского совета латиноамериканистов.

² CEPAL. Símbolos de América Latina y el Caribe. Santiago de Chile, 2000.

- ³ S.B o l í v a r. Carta de Jamaica. Kingston, 6 de septiembre de 1815. — www.ensayistas.org
- ⁴ Ú.P i e t r i. A.Bello: Discurso pronunciado en el Palacio de las Academias, el 21 de octubre de 1965. — www.analitica.com
- ⁵ Л.С е а. Философия латиноамериканской истории. Судьбы Латинской Америки. М., 1984, с. 64.
- ⁶ A.F e r r e r. Historia de globalización. Orígenes del orden económico mundial. Buenos Aires, 1996, p. 179—197.
- ⁷ К 1845 г. в Латинской Америке насчитывалось 17 республик (Доминиканская Республика уже отделилась от Гаити, временное восстановление империи в Мексике и на Гаити были еще впереди), а в остальном мире — всего три (США, Швейцария и Сан-Марино).
- ⁸ Этот прогноз, касающийся новой архитектуры мировой экономики и мирового сообщества в нынешнем веке, до сих пор вызывает оживленную дискуссию в научных и политических кругах. — PricewaterhouseCoopers LLP. J.H a w k s w o r t h, G.C o o k s o n. The World in 2050. Beyond the BRICs: a Broader Look at Emerging Market Growth Prospects. London, 2008.
- ⁹ Собственно и в Перу к власти пришел представитель традиционной социал-демократии XX в. — лидер апристской партии А.Гарсиа, но ему пришлось выдержать тяжелую предвыборную борьбу с еще более радикально настроенным представителем «новой левой» О.Умалой.
- ¹⁰ См., например: Я.Г.Ш е м я к и н. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001; В.М.Д а в ы д о в. Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. М., 2006; Латиноамериканская цивилизационная общность в глобализирующемся мире. М., 2007.
- ¹¹ Эта традиция совершенно отчетливо проявляется с периода формирования первых региональных интеграционных группировок в Европе и Латинской Америке на рубеже 50—60-х годов прошлого века до дружного принятия латиноамериканскими странами вскоре после ЕС программ перехода к информационному обществу на рубеже столетий.
- ¹² G.D u f f y. Brazil's Lula Raps 'White' Crisis. — BBC News, 27.III.2009 (news.bbc.co.uk).
- ¹³ «Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н.э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н.э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время мы вкратце будем называть осевым временем». — К.Я с п е р с. Смысл и назначение истории. М., 1991, с. 32.
- ¹⁴ Там же, с. 113.
- ¹⁵ Подробное описание «фаустовской цивилизации» и западного универсализма дается, например, в уже упоминавшейся работе: Я.Г.Ш е м я к и н. Указ. соч., с. 117—154.
- ¹⁶ Э.Т о ф ф л е р. Шок от столкновения с будущим. М., 2002, с. 21—29.
- ¹⁷ См., например: Ф.Б р о д е л ь. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв., т. 1. Время мира. М., 1992; Е.Т.Г а й д а р. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005, с. 220—256; Б.Н.К у з ы к, Ю.В.Я к о в е ц. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее, т. 2. М., 2006, с. 578—671.
- ¹⁸ Ш.А й з е н ш т а д т. Международные контакты: культурно-цивилизационное измерение. — Мировая экономика и международные отношения, 1991, № 10.
- ¹⁹ В.Б.З е м с к о в. Латиноамериканская литература как модель культуры. — Латинская Америка, 1991, № 7, с. 68; Б.Ю.С у б и ч у с. Новый Свет и культура Нового времени. — Латинская Америка, 1993, № 10, с. 81—89.
- ²⁰ А.М е н ь. Великий поликультурный феномен. — Латинская Америка, 1992, № 2—3, с. 9—10.
- ²¹ Подробнее см.: Л.С е а. Указ. соч., с. 296—328.
- ²² Там же, с. 325.
- ²³ См., например: А.Ш а р м а. Майянская цивилизация в Мексике: необъяснимые связи с древней Индией. — Индия: перспективы. Нью-Дели, 1999, март, с. 19—21; Н.Н.Н е п о м н я щ и й. Так кто же открыл Америку. — Знак вопроса. М., 1990, № 11, с. 38—42. Впрочем, такого рода гипотезы восходят еще к исследованиям Ж. де Гинье (1761 г.), Г. д'Эшиталя (1865) и Дж.Фрэера (1901).
- ²⁴ Подробнее см.: «Левый поворот» в Латинской Америке. М., 2007, с. 27—54.